

Ульяна Соболева

Восемь
Знак бесконечности

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С54

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Николая Миллера

Соболева, Ульяна.

С54 Восемь. Знак бесконечности : [роман] / Ульяна Соболева. - Москва : Издательство АСТ, 2017. - 288 с. - (Знаки соблазна).

ISBN 978-5-17-100103-2

Он настоящий дьявол.

Он играет с Кэтрин в изоощренную игруппо странным и непонятым правилам. Увлекает за грань чувственных и опасных эмоций, утонченного наслаждения. И страсть бежит по венам вместо крови...

Но именно он, Данте Марини — главный подозреваемый в деле о жестоких убийствах. Так кто же он на самом деле? Искусный соблазнитель или всего лишь убийца?

Кэтрин не знает ответов на эти вопросы, но продолжает играть по правилам Данте Марини... Эта игра длиной в бесконечность, и в нее можно проиграть не только себя, но и свою жизнь.

ISBN 978-5-17-100103-2

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© У. Соболева, 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2017

*Все говорят о семи кругах Ада,
но на самом деле их восемь, —
восьмой никогда не заканчивается.*

*Раз, два, три... —
Скорей к нему иди.
Три, четыре, пять —
Он хочет поиграть.
Пять, шесть, семь —
Не смешно совсем.
Восемь... восемь... восемь...*

ГЛАВА 1

Кэтрин

Запись № 7

— Именно это тебя беспокоит? Эти странные сны?

— Нет. Меня беспокоят не сны, а реальность.

— У тебя были проблемы с наркотиками?

— Я курила только травку один раз. Разве вы считаете это проблемой, доктор?

— Нет, я не считаю это проблемой. Мы сейчас говорим о том, что именно считаешь проблемой ты.

Резкий звук, потом тишина... голос слышен издалека.

— Проблема в том, что он приходит ко мне не только во сне. Проблема в том, что я вижу его на-

яву. Он играет со мной... Вы понимаете? Он со мной играет в кошки-мышки. Я больше так не могу.

— Успокойся. Сядь. Вот — выпей воды. Значит, ты считаешь, что некий мужчина приходит к тебе по ночам и издевается над тобой?

— Я так не считаю... это вы считаете меня сумасшедшей. Вы и моя сестра хотите запереть меня в психушку, вы...

— Анита, никто не желает тебе зла. Никто не хочет тебя куда-то запереть, мы хотим тебе помочь. У тебя проблемы с полицией. Четыре ареста за проникновение на чужую территорию. Твоя сестра беспокоится о тебе, но сначала мы должны понять, что происходит на самом деле. Зачем ты пришла к дому господина Данте? Зачем изрисовала ограду пиктограммами?

— Потому что он сводит меня с ума... приходит, а потом исчезает. Манит и отталкивает. Бьет и ласкает. Режет и кромсает меня... вам не понять. Вы мне не верите. Смотрите. Вот что он со мной делает.

Шум... всхлипывания, помехи.

— Твоя сестра говорила об этих порезах. Чем они нанесены?

— Лезвием стилета. Итальянского. Данте всегда носит его с собой. Когда мы занимаемся сексом, он режет мою кожу и слизывает кровь... его глаза, они становятся черными, его ноздри трепещут и...

— Анна, а ожоги? Как появляются ожоги?

— Горячий воск...

— Все происходит по обоюдному согласию?

— Да, но... он крадет мою душу. Вы не понимаете, что он убивает меня? Вы так ничего и не поняли? Этот мужчина — дьявол. Он играет с вами в свои игры, пока вы не умрете. Пока жизнь не начнет ка-

заться вам мучительней смерти, пока вы не почувствуете себя грязью.

— Анна, мы во всем разберемся, я тебе обещаю. Наша следующая встреча состоится в пятницу утром. Пока что попробуй спать в другой комнате, гулять несколько часов перед сном, и... ты умеешь рисовать, верно? Нарисуй мне до пятницы что-нибудь. Нарисуй мне свою мечту, хорошо?

— Вы поможете мне? Вы сможете мне помочь? Я хочу забыть о нем... пожалуйста, помогите мне. Я задыхаюсь. Мне страшно...

— Конечно, я тебе помогу. Обязательно. И ты должна снова вернуться к учебе. Твои друзья скучают по тебе. Подожди меня, я сейчас вернусь, хорошо?

Шаги, звук открывающейся и закрывающейся двери. Шум. Помехи. Тихий шепот. Снова помехи.

— Я принесла тебе и себе пепси. Хочешь трубочку или одноразовый стакан?

— Я не пью пепси, я пью только воду. Как вы можете мне помочь, если ничего обо мне не знаете?

— Я узнаю тебя. Ты все мне расскажешь, если захочешь, и мы поможем тебе вместе, хорошо?

— Хорошо. Я вам верю. У вас очень красивые и светлые глаза. Когда я смотрю в них — я вам верю.

«Анна Серова. Девятнадцать лет. Наносит себе увечья лезвием бритвы, прижигает кожу сигаретами, страдает депрессией и галлюцинациями. Склонна к мазохизму. Увлекается тяжелой музыкой, замкнутая, недружелюбная...»

Я выключила и отложила диктофон, закрыла глаза, постукивая шариковой ручкой по столу. Потом пере-

вела взгляд на монитор ноутбука, прокрутила страницы файла вниз и быстро напечатала:

«Закрыто. Смерть пациента. Суицид».

Зацепила файл «Анна Серова» курсором и перетащила в отдельную папку без названия.

Я должна была понять, почувствовать, но я не поняла. Мой проигрыш, и цена слишком высокая.

Еще несколько секунд смотрела на картинку рабочего стола — зимний пейзаж. Потом открыла поисковик и медленно вбила имя: «Данте Лукас Марини». Моментально появились результаты поиска.

Я прокрутила их вниз, вверх. Потом нажала ссылку на «Википедию» и внимательно посмотрела на фотографию мужчины. Красивый. Брутальный, я бы сказала. Старший сын итальянского судовладельца и дочери русской актрисы-иммигрантки. Пятеро братьев Марини, все наследники игорного бизнеса, нескольких сетей итальянских ресторанов и недвижимости в России. Имеют двойное гражданство. Меня интересовал только Данте. Тридцать пять лет. Тот возраст, когда женщины тратят деньги на пластические операции, а мужчины только начинают чувствовать вкус жизни, собственной власти и опыта. Что могло связывать девочку из среднестатистической семьи русских эмигрантов, живущую в нашем захолустном квартале и этого богатого прожигателя жизни? Где они могли пересекаться? Абсурд.

Зазвонил сотовый, и я ответила, даже не взглянув на экран дисплея.

— Мне нужно поговорить с вами, я просто обязана с вами поговорить.

Болезненно поморщилась, нащупала пачку сигарет и закурила.

— Конечно, Юлия, мы обязательно поговорим. Я назначу вам встречу.

— Мне нужно сегодня, сегодня...

Я выдохнула и отшвырнула зажигалку подальше. Да, большинство моих пациентов русскоговорящие. Они идут ко мне, потому что я работаю с ними на их родном языке.

— Вам сегодня нужно отдохнуть, прийти в себя. Мы поговорим в другой день.

— В полиции сказали, что она... она была под действием наркотика, когда порезала вены. Я не верю. Она не могла. Вы же говорили с ней. Вы заверили меня, что это возрастное, что это пройдет и что при правильном курсе лечения... Аня не принимала наркотики. Никогда и она... она так любила жить. Когда вернулась от вас, она хотела снова начать рисовать... Я...

— Юлия, я знаю, что вам сейчас очень тяжело. Я все понимаю. Я искренне вам соболезную.

— Мне кажется, в полиции что-то скрывают. Мы говорили с Аней вечером, я уехала, и... она пропала. Они искали ее четыре дня. Четыре. Зачем было уходить, она могла это сделать дома, я не понимаю... ничего не понимаю.

Я судорожно сглотнула, на душе возникло неприятное чувство, словно меня в чем-то обвиняют.

— Я встречусь с вами завтра, хорошо? Завтра после обеда мы все обсудим. Обязательно. Договорились? Секретарь свяжется с вами и назначит время.

Закрываю сотовый и выдохнула, сжала виски пальцами. Мне срочно нужен отдых, хотя бы на неделю.

«Я ненавидела это место, ненавидела свою жизнь, которая напоминала мне тягучую и вязкую рутину.»

Но больше всего ненавидела то, что я не такая, как все, но я им этого никогда не покажу, лучше перегрызу себе вены зубами. Кому-то моя депрессия покажется бешенством с жиру, но тогда это было катастрофой. В пятнадцать лет, когда жизнь и так кажется полной дрянью, тебя вырывают из привычной среды и швыряют в чужой мир, где ты учишься плавать и тыкаешься, как слепой котенок, из стороны в сторону. Поначалу, когда родители сказали мне, что мы переезжаем, я обрадовалась. Я даже гордилась, что вырвусь из этой рутины, буду слать своим друзьям фотки через интернет и ходить по лазурному пляжу, полному смуглых парней. Я сама себе завидовала, особенно глядя, как гордится отец своим новым назначением, а мать и сестры лихорадочно собирают сумки, раздаривают вещи и предвкушают переезд.

Эйфория длилась ровно несколько дней — пока я не поняла, что они меня ненавидят. Ненавидят во мне все. Боже, какой дурой я была. Моя жизнь была просто раем до встречи с ним. Хотя я уже не знаю, где рай, а где ад. Вы когда-нибудь видели зверя в человеческом облики? Нет, без мистической дряни, которую смотрят мои друзья. Настоящего зверя, в котором нет ничего человеческого, кроме внешности. Я это видела, чувствовала, познала в полной мере. Это — не человек. Он пожирает вашу волю, связывает ментально, ставит на колени всех, кто приближается к нему. Покрывает вас грязью, раздирает до крови ваше сердце. Это Дьявол. Вам не поможет ни одна молитва... И самое страшное, я безумно люблю его».

Захлопнула дневник Аниты и посмотрела в окно. Я ее понимала. Это мерзкое чувство, когда ты от-

личаешься от всех: цветом волос, глаз, кожи, менталитетом, дурацким русским именем. Да всем. Белая ворона в полном смысле этого слова. Я тоже это проходила, не так остро, конечно, но проходила, а потом привыкла. Я выкрашивала свои светлые волосы в черный цвет, так как темные девочки со смуглой кожей были в моде, я загорала до волдырей и мечтала носить коричневые линзы. Я не хотела быть русской, но все равно всегда ею была и от этого никуда не деться. Меня называли «матрешкой» за светлую кожу, румянец и округлость. В колледже я была пышкой, и я себя ненавидела...

— Ты ведешь дневник?

— Иногда записываю свои мысли.

— Тебе это помогает?

Она засмеялась не по-настоящему, натянуто — светло-карие глаза девушки не тронула улыбка, я увидела, как Ани поправила прядь светлых волос, убрав ее за ухо. Подумав, она ответила:

— Меня это отвлекает, а помочь мне никто не сможет, даже вы, Кэтрин.

Она никогда не называла меня Катей и редко говорила со мной по-русски. Хотя это помогло бы раскрыться больше. Просто она, как и многие дети-иммигранты, пыталась слиться с массой, не отличаться от них, отрицая свою этническую принадлежность.

— Я очень стараюсь, и вместе у нас получится. Вот увидишь. Иногда случается, что юные девушки увлекаются парнями постарше, актерами, знаменитостями, фантазируют, но их чувства не взаимны, однако это не трагедия, Ани, это опыт.

Она снова усмехнулась:

— Вы считаете, что это мои фантазии, да?

— Твоя сестра читала дневник? Ты ей показывала?

— Зачем? Я его спрятала. Она никогда его ТАМ не найдет.

А я нашла... Случайно. В ее комнате, в которую после похорон меня провела Юлия. Я помню, как распахнула окно, задыхаясь от нахлынувшей тоски. Чужое горе иногда давит сильнее собственного. Эти рыдания, шепот, поминки, тихие шаги за дверью и комната, в которой все осталось так, как и в последний раз, когда Анита вышла отсюда, чтобы больше не вернуться. Она спрятала дневник в проеме между оконными рамами, в своеобразном углублении. Я так и представляла себе, как Ани сидит на подоконнике, свесив ноги на улицу, и пишет. Она рассказывала мне об этом.

Сигарета тлела в пепельнице, а я смотрела в окно на темное небо. Мне не давало покоя, что ее нет. Меня это убивало. Ли говорила, что так бывает у всех с первым личным покойником, потом, со временем, перестаешь принимать близко к сердцу. Я не хирург и даже не медсестра, я — школьный психолог, у меня не должно быть личных мертвецов. Ко мне не привозят искалеченных пациентов, истекающих кровью, я латаю дыры в душе подростков и всегда делаю это удачно.

Отложила тонкую тетрадь и выдохнула с силой. Несколько дней назад ко мне приходили из полиции, задавали стандартные вопросы и ушли. Никто из них не спросил о Данте.

Я наклонилась к ноутбуку и пошевелила мышкой, экран осветил полутемный кабинет.

Данте Лукас Марини... Вспомнилась «Божественная комедия». На весь экран его лицо. В который раз за эту неделю. Порочная красота. Та, от которой над

верхней губой проступают капельки пота, а ладони невольно потеют от осознания собственного убожества. Властный взгляд голубых глаз, слегка исподлобья, самоуверенный и ироничный. Циничный, красивый сукин сын, который считает, что трахнул весь мир, поставил фортуна раком и имеет ее как дешевую портовую шлюху вот уже несколько лет.

Пролистала еще несколько светских сплетен. Тот тип мужчин, который возомнил себя полубогом. С красивой физиономией, бабками, девками, нюхающий кокаиновые дорожки и запивающий их мохито. Скандал на скандале. Вереница брошенных любовниц.

Фото с самыми популярными звездами, громкие романы, грязные подробности личной жизни. Я изучала Данте неделю. С утра до вечера. Часами вычитывала информацию и искала. Мне кажется, я могла нарисовать его лицо и голливудскую белозубую улыбку с закрытыми глазами. Не знаю, зачем я все это делала, возможно, хотела найти что-то, что связывало бы его с занимающей меня темой, нечто компрометирующее. К вечеру снова разболелась голова, и я проглотила две таблетки аспирина.

Открыла новую страницу браузера и потянулась за сигаретой, разглядывая шикарный пятиэтажный особняк.

«Данте Лукас Марини сегодня отметил свое тридцатипятилетие. Вечеринка ничем не уступала Дню независимости. Собрались...»

Я посмотрела на дату: «13 ноября...». Скорпион. Усмехнулась и откинулась на спинку дивана, подтянула ноги под себя. Что их могло связывать? Что? Где он и где она? Разница в возрасте, социальный статус и вообще.

Вчера я была в Вудсайде, проехала возле его особняка. Наматывала круги и лихорадочно дума-

ла о том, что Аня, Анита... никогда бы не попала в этот дворец — так же, как и я. Это все ее фантазии. Одно не давало покоя — фантазировать можно об актере, певце, модели, спортсмене, в конце концов, но о бизнесмене, эдак на семнадцать лет старше ее, чьи фото красовались на страницах «Forbes», а не в молодежных журналах... Единственная нестыковка. Впрочем, может она придумала себе фантазию о богатом принце на белом коне и, увидев фотографии в интернете или в газетах, сделала эту мечту более реальной? Но неужели Анита вместо журнала типа COOL просматривает именно «Forbes»? Да, именно, Анита, девочка с ногтями, выкрашенными в черный цвет, с темно-синей подводкой на огромных глазах, слушающая Мэрилина Мэнсона, именно тот типаж, который смотрит бизнес-журнал... Я криво усмеялась... или я никчемный психолог, который так и не понял юную пациентку.

Ли позвонила мне днем, точнее она трезвонила безостановочно, и я, после дозы снотворного, с тяжелой головой, с трудом могла поднять руку, не то что стащить себя с постели, но эдак с двадцатого звонка я все же ей ответила.

— Катька, хорош спать, матрешка, давай просыпайся у меня для тебя просто офигенная новость, — меня всегда смешило то, как она произносила мое имя, с характерной для иностранцев мягкостью.

Мы дружим еще с колледжа. Странно, что жизнь не расшвыряла нас в разные стороны, но в целом это заслуга Ли, не моя. Она цеплялась за нашу

дружбу, как за спасательный круг. Ли — итальянка, и, на самом деле, не Ли вовсе, а Анна Лиза, и только она могла безнаказанно называть меня матрешкой.

— Лииниии, я уснула в пять утра, сегодня у меня выходной...

— Знаю, и почему не спала, тоже знаю.

Я с трудом содрала себя с постели и босиком пошлепала на кухню, зажимая телефонную трубку между плечом и ухом, включила электрочайник и открыла холодильник.

— Давай, говори, я слушаю.

Головная боль набирала новые обороты. Проклятая жара, от духоты всегда начинается мигрень. Не помогает даже кондиционер.

— Я сегодня вытащу тебя из твоего склепа. Такую вечеринку ты не можешь пропустить.

Я тихо застонала, наклонившись за молоком.

— Ли, у меня голова раскалывается, какая к черту вечеринка?

— Мы заключили сделку, невероятную сумасшедшую сделку и нас пригласили в закрытый клуб. Ты даже не представляешь, какие люди туда придут. Давай, ну, не будь занудой. Ты уже год никуда не ходишь. Забудь своего русского ублюдка копа Алекса и начинай жить сначала. Твои чокнутые малолетки тоже обождут.

Поморщилась, как от зубной боли. Напомнила о нем. Какого черта — не понятно. Я и так его забыла.

— Я подумаю, хорошо?

— Нечего думать. Мы едем туда вместе и точка. В отрыв. Да. Ты и я. Как когда-то давно, когда ты не была занудой. Помнишь? Мы пьяные, полумертвые от выпитой русской водки, идем босиком по трассе и орем твою «Катюшу».